

Елена Нестерина

НОВЫЙ ГОД КОЛЮШКИ

Издательство Московской Патриархии
Русской Православной Церкви
Москва • 2024

День догорал. Ещё немного — и мороз захватит его в плен, превратит в ночь, будет держать, бить и колотить, а потом нехотя переделает в утро, покрасит на своё усмотрение небо, ненадолго включит солнышко. А потом снова выключит, снова расстелет тьму по полям и лесам. И так всю долгую зиму — холодно, голодно, страшно...

В актовом зале колхозного клуба было натоплено. Со всем немного — ровно настолько, чтобы можно было там находиться. Оккупационный режим германской армии умел разумно экономить. В окна клуба ещё заглядывал прощальный солнечный свет, но уже горели четыре керосиновые лампы. Темнота потихоньку выползала из углов, неслышно плясали тени на мягких лапах...

Агата Петровна, над которой висели две лампы сразу, хлопнула в ладоши и ударила каблуком в пол. Это означало, что все должны посмотреть на неё и приготовиться. Она была строгая и нарядная: в узкой юбке и новом жакете, на рукаве которого красовалась нашивка со свастикой и надписью: «Treu, Tapfer, Gehorsam»¹.

Третий час подряд шла подготовка к рождественскому празднику.

Дети снова принялись говорить заученные слова, братья за руки и танцевать под музыку, которую играл солдат на большой губной гармошке.

Уйти из клуба было невозможно: на плече у солдата-музыканта висел автомат, а возле двери неподвижно застыл ещё один солдат. В день праздника дети должны будут исполнить эту программу перед германскими офицерами — и исполнить в лучшем виде!

...Село захватили немцы весной. Колхоз только начал подготовку к севу, трактор пахал предпоследнее поле, но произошёл прорыв фронта — и село оказалось в оккупации. Сейчас нельзя было даже вспоминать тех, кого с приходом германской армии сразу убили: председателя колхоза Ольгу Ивановну, которую повесили на площади за то, что она отказалась быть сотрудником и называть фамилии колхозных активистов,

¹ В переводе с немецкого языка означает «Верный, храбрый, послушный». Знак различия «вспомогательных войск», которые германская армия набирала из местного населения оккупированных территорий.

коммунистов и писать списки их семей. Нельзя было вспоминать её детей, которых расстреляли, когда они выбежали к Ольге Ивановне из толпы. И сожжённых живыми в сарае односельчан, которых поймали по пути к партизанам.

Можно было только читать листовки с новыми правилами жизни, выполнять эти правила и много работать.

Село затаилось. Выполняло, работало. Осенью урожай отправился в Великую Германию, а школу, в которую пришли дети первого сентября, первого же сентября и закрыли. Оставшихся в селе двух учительниц расстреляли. Они не хотели носить повязки послушных помощников и учить по новым правилам. А в школе — уже ближе к зиме — вместо учительниц появилась Агата Петровна. У неё было несколько новеньких учебников, красивые тетради, карандаши. Агата Петровна сама где-то училась и теперь приехала, чтобы начать воспитывать детей «правильно».

До войны Агата Петровна — или Агашка, как звали её в селе, — была совсем неприметной личностью. Работала в колхозе учётчицей — учитывала и заносила в большую книгу кто, что, сколько и когда наработал. Больше ничем знаменита не была — в спортивных соревнованиях не участвовала, в клубе на концертах не появлялась и даже кино смотрела редко. Шмыгала из конторы домой — только её и видели. Но час Агаты Петровны настал — и теперь она учила детей любить Великую Германию.

Дети её не слушались, и тогда в классе стали дежурить солдаты. Вот тут-то, наконец, наступил долгожданный порядок — автомата боялись все.

— Бестолковые! — нахмурившись, крикнула Агата Петровна. — Просто бараны! Что ж вы не можете понять простые вещи, которые тысячу лет знает Европа! Вас ведут к свету, к прогрессу, а вам бы только на сеновале спать... Старайтесь! Будете хорошо себя вести, святой Николаус в Рождественскую ночь исполнит ваши желания. Поняли?

Дети загудели:

— Поняли!

А Колюшка не понял. Он не знал, кто такой святой Николаус. У бабушки за печкой висела икона, тёмная, как подкопчённая, но блестящая, будто намазанная маслом. Там был нарисован святой по имени Николай Угодник — старенький бородатый дедушка. Ему бабушка шёпотом молилась, и он должен был исполнять её желания. Бабушка просила-просила его, ругалась, когда Угодник ничего не исполнял, а потом умоляла её простить, кланялась и билась в пол лбом. При этом плакала и тыкала в себя собранными в щепоточку пальцами — крестилась. Николаус — Николай, может, это он же? Но желания под Новый год исполняет Дед Мороз, это Колюшка хорошо запомнил. Исполняет и подарки дарит — из мешка вытаскивает! Колюшка весь год ждал Деда Мороза и праздника под ёлкой, и теперь этот праздник уже скоро, совсем скоро, но называется

Рождество. Кто-то рождается, значит. Видимо, новый, 1943 год рождается, вот что!

Пока Колюшка размышлял, подошла его очередь говорить слова. Стоявшая рядом девочка толкнула его в бок, и Колюшка сделал шаг вперёд. Он только успел выкрикнуть:

— Как детей...

Как детей отвлек шум и топот. С ворвавшимся студёным воздухом в клуб вплыла ёлка, которую нёс сторож дедушка Гаврила.

— Вот она, ёлочка! — стаскивая с головы шапку, сообщил дедушка. — Куда её, милка?

— Какая я тебе милка?! — сморщилась Агата Петровна, торопливо подбежала к сцене и ткнула пальцем: — Сюда!

Дети переглянулись. Обычно ёлку ставили в середине зала, чтобы вокруг неё можно было водить хоровод. А эту, маленькую, значит, на сцену. Как же хоровод? Но никто об этом не спросил. Все теперь боялись Агату Петровну и слушались.

Дедушка Гаврила положил ёлку на сцену и, разбрасывая ледышки со своего тулупа, ушёл.

Агата Петровна снова построила детей и запретила смотреть, как дед, вернувшись с ящиком столярных инструментов, сооружает треногу для ёлки.

Опять началась репетиция. Колюшка ждал своей очереди выступить, смотрел и слушал внимательно, чтобы не опоздать. Дети танцевали под губную

гармошку. Она сопела, вздыхала и пищала — и казалось, что это за стеной мыши играют свою мышиную свадьбу. И вроде бы уже и мышь-гармонист устал, и гармошечка вот-вот порвётся, а свадьба всё никак не заканчивалась...

— Как детей чекист советский ёлки в Рождество лишил! — вовремя заметив, что Агата Петровна махнула рукой, вывалился из мышинной свадьбы Колюшка и зарорал во всё горло.

Из-за спин детей тут же выскочил тринадцатилетний Иван. Он был одет в драную кожанку и старый картуз. Рыча и целясь из деревянного маузера, Иван заставил всех встать на колени.

— Дрожите! Дрожите, я сказала, как следует! — кричала Агата Петровна. Потому что многие не дрожали. — Ну какой раз повторяют, а как пыльным мешком стукнутые! Что за глупые дети...

Кого-то из самых бестолковых ей пришлось схватить за ухо и поставить на коленки, кого-то хлопнуть по затылку, чтоб дрожал.

Нарычавшись, «чекист» Иван захохотал злодейски: «Ха! Ха! Ха!»

Солдат с губной гармошкой набрал воздуха и начал вдвухать в гармошку парадный немецкий марш.

Пум-пум-пум-пум-пум! — промаршировал от двери солдат с автоматом.

— Та-да-да-да-да-да-да! — раскрасневшись и от напряжения выкатив глаза, закричал он, старательно

«убивая» «чекиста» Ивана из автомата. Иван с грохотом упал на пол, картинно раскинул руки-ноги и замер.

— Лицо, лицо не сделал! — закричала Агата Петровна. — Быстро!

Иван устало оскалился, не открывая глаз.

Замолчала гармошка, солдат-музыкант вздохнул и замер. В мягких валенках протопал от ёлки, вставшей ровно и распутившей в стороны примороженные лапы, дедушка Гаврила.

— Готово, Агашенька!

Агата Петровна свела брови и оглядела столпившихся детей.

— Чьи слова? Кто сейчас говорит? Что вы как сонные мухи? — как взмах кнута просвистел в воздухе её голос. — Ну-ка, сначала!

Окрик как будто и правда подстегнул артистов.

— Как детей чекист советский ёлки в Рождество лишил! — громко проговорил Колюшка.

Девочка Маша тут же выскочила на середину и торопливо затараторила:

— И как им солдат немецкий чудо-ёлку возвратил!

Солдат немецкий повесил на плечо автомат и, как будто приглашая, вытянул руки в сторону сцены. Наверное, хотел сказать: «Вот она, ёлка, радуйтесь, счастливые дети!»

Опять заиграл солдат-музыкант, выскочила в центр первая пара танцующих, но тут снова притопал дед Гаврила:

— А вот они, игрушечки! Вот богатство-то наше! — радостно прогудел он.

В руках у него была большая коробка с ёлочными игрушками. Все её знали, эту драгоценную фанерную коробку. Несколько лет назад её купили в городе учительницы и привезли в школу, и все жители села пришли смотреть на ту первую ёлку, которую установили тогда в самом большом, но всё равно тесном классе и украсили этими игрушками. На следующий год ёлку поставили уже в клубе — высокую-высокую. Когда на неё повесили игрушки, их оказалось очень мало. Но учительницы вытащили ножницы, клей — и оказалось, что игрушки можно сделать самим! Так появились гирлянды из разноцветных бумажных колечек, флажки на длинной нитке. А сколько нарезали снежинок! Все ребята научились. Даже конфеты на ёлку вешали, и после праздника их разрешали сорвать и съесть! Так что все дети, и малыши, и школьники, знали: праздновать Новый год — это счастье!

И теперь вот они, новогодние игрушки! Забыв страх перед Агатой Петровной и солдатами, дети столпились вокруг деда Гаврилы. Все знали, что лежит там, внутри большой коробки с Кремлём на крышке и нарисованными по бокам узорами из серпантина и хлопушек: стеклянные шары, расписанные красными звёздами, целлулоидный дирижабль, синички, ловко скрученные из тонкой бумаги и набитые ватой, посыпанные переливчатой стружкой грибочки, яблоки, груши,

шишки — большие и маленькие, два метра серебристой канители с острыми махринками...

Колюшка тоже хотел скорее заглянуть в коробку, увидеть, как из неё вытащат его любимую игрушку — пограничника с собакой. Пограничник крепился на жестяной прищепке — и всегда на одной из верхних веток, чтобы всем было видно и чтобы собаку не хватали за нос, потому что после первого новогоднего праздника чёрный нос этот успел обтрепаться и из него вылез клочок ваты. А рядом с пограничником обязательно покачивался пышный румяный лыжник в белой куртке и шароварах. Его красные лыжи блестели как лакированные.

Заторопился Колюшка, и толкнул Агату Петровну, которая с торжественно-почтительным лицом прикрепляла к ветке ёлки большую стеклянную игрушку — серебристый шар с выпуклым медальоном, внутри которого был какой-то яркий эмалевый портрет.

— Ай! — не ожидая, что на неё кто-то налетит, вскрикнула Агата Петровна. У ног её стояла лично ею принесённая открытая шкатулка, в которой на белом бархате до этого шар и хранился.

Агата Петровна задвинула шкатулку под ёлку, нахмурилась и собралась ругать Колюшку, но увидела, что Иван, самый высокий из ребят, с другой стороны ёлки забрался на табуретку и прилаживает к вершине тёмно-алую стеклянную звезду, которую успел вытащить из коробки.

— А-а-а! — закричала Агата Петровна. — Что ты делаешь?!

Она бросилась к Ивану и вцепилась в его кожаную тужурку. Кожа затрещала, оторвался клочок, ножка у табуретки подкосилась, хрясь — и мебели в клубе стало меньше. Иван взмахнул руками и упал на сцену. Уже не картинно, а по-настоящему, с грохотом. На обломки табуретки рухнула и Агата Петровна. Тут же вскочила, оглядываясь на солдат. А те открыли рты и стояли смотрели.

Потому что посмотреть было что: на ёлке висели портрет их великого фюрера Адольфа Гитлера и красная советская звезда.

— Снять! Снять немедленно! — хрипло зашипела Агата Петровна, указывая на ёлку.

Девочки наперегонки бросились к ёлке, исполнительная Дунечка сдёрнула с ветки шар с портретом и протянула его Агате Петровне.

— Ах ты... — Агата Петровна выхватила у неё драгоценное украшение, одной рукой прижала его к себе, а другой отвесила Дуне оплеуху.

Дуня заплакала, а Агата Петровна подскочила к ёлке и попыталась дотянуться до верхушки. Ёлка была хоть и не такая большая, но достать до звезды Агате Петровне не удалось. А табуретки другой не было. Вон стоят, конечно, широкие лавки вдоль стен, но ни одну из них на сцену не занесёшь...

Не расставаясь с серебристым шаром, который она спрятала под жакет, Агата Петровна смешно прыгала вокруг ёлки.

— Гаврила, сними! — кричала она.

Но старичок разводил руками: тоже, мол, не дотянись.

— Герр солдат, битте, битте! — взмолилась Агата Петровна, преданно глядя на солдат и показывая в сторону ёлки.

Солдат с губной гармошкой взобрался на сцену, обошёл ёлку вокруг, посмотрел на второго, который оказался более решительным: он выдрал ёлку из треноги и бросил на пол. Стекланная звезда звонко цокнула и разбилась. Агата Петровна подбежала к ней и приня-

лась яростно топтать осколки. Толстое стекло хрустело. Дивной красной звезды больше не было.

Дети стояли и молчали. Колюшка готов был заплакать, он слышал, как кто-то тоже всхлипывает рядом с ним.

И тут Агата Петровна с болью в голосе закричала:

— Вы знаете, что это всё такое? Звёзды эти пятиконечные, серпы эти, молоты? Это знаки кровавых злодеев, превративших нашу страну в рабов! Забудьте это всё. Великая Германия несёт нам свет европейской культуры...

Агата Петровна уже переместилась к фанерной коробке, подтащила её к печке и принялась швырять туда завёрнутые в шуршащую магазинную бумагу игрушки. Бумага тоже была с красными звёздами, снежинками и радостной надписью: «С Новым годом!» Вот показался бок шарика с вдавленной внутрь таинственно мерцавшей звёздочкой. Раз! — и шар в печке, где уже угасшие угли деловито разгорелись, уничтожая бумагу, тонкое стекло и вату.

А Колюшка любил звёзды. У него даже в груди щемило, когда он смотрел на ту, большую, празднично сияющую тёмно-алыми гранями на вершине ёлки. Ему казалось, что эта далёкая звезда освещает путь и зовёт — куда-то далеко-далеко, в счастье. Там всё неизвестное, но очень интересное, героическое. Цвета этой звезды была кровь. А крови за свою восьмилетнюю жизнь Колюшка успел увидеть уже много. Кровь раненых

и убитых, кровь тех, кто дрался сейчас где-то далеко на фронте за то, чтобы обязательно выгнать из их села и из страны великую германскую армию с её злыми помощниками. Такими, как Агашка Петровна, как те сельчане, с которыми не здоровалась его бабушка и на кого жаловалась своему Угоднику и просила наслать на них наказание... И ещё такие звёзды горят над Кремлём в прекрасной Москве, где никто из Колюшкиных знакомых не был. Так хотелось посмотреть Москву, и не за уши когда поднимают: «Москву покажу», а на самом деле — чтобы на поезде туда ехать. Как отец обещал. Но теперь и он на фронте, и мама на фронте, а звёзды, значит, это плохо? Героические и прекрасные звёзды и игрушки надо в печку?

Вот полетели в огонь старые тяжёлые бусы из дутого стекла. Их принесла в школу бабушка Акимовна, с царских времён украшения, сказала. Может, если бы знала, Агата Петровна царские бусы бы пожалела, но теперь они горели, звонко лопааясь, вместе с символами угнетения детей и взрослых.

В руках Агаты Петровны оказались последние две игрушки. Она размахнулась, чтобы забросить в огонь пограничника с собакой, — и Колюшка не выдержал, схватился за пограничника, сжал его и закричал:

— Нельзя его жечь! Это не кровавые знаки! Не дам!

Так он и висел, вцепившись в руку Агаты Петровны. Слезы летели в разные стороны, но Колюшка не разжимал пальцы. Агата Петровна толкала его, трясла рукой,

УДК 244
ББК 86 372
Н56

Допущено к распространению
Издательским советом
Русской Православной Церкви
ИС Р24-415-0356

Нестерина Е.

Н56 Новый год Колюшки. — М. : Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2024. — 40 с.: ил.

Действие рассказа «Новый год Колюшки» переносит читателя во времена Великой Отечественной войны в село, захваченное фашистами. Главный герой, восьмилетний мальчик Коля, оказывается на волоске от смерти. Когда ему чудом удаётся бежать от преследования захватчиков, появляется новый враг — не щадящий никого лютый мороз. Но на помощь Коле приходит святитель Николай Чудотворец, а вслед за ним и русские солдаты-освободители.

Книга предназначена для детей школьного возраста.

© Издательство Московской Патриархии
Русской Православной Церкви, 2024

© Нестерина Е., текст, 2024

ISBN 978-5-907701-98-4

© Подвилова А., иллюстрации, 2024

Детская православная литература

Художник А. Подвилова

Главный редактор *епископ Балашихинский и Орехово-Зуевский Николай*. Заведующая редакцией *И. Черкесова*. Редактор *Н. Мамлина*. Корректоры *Г. Абудеева, М. Просветова*. Верстка *Д. Останний*. Подписано в печать 20.08.2024. Формат 70×90/16. Объем 2,5 печ. л. Тираж 5 000 экз. Заказ № . Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви. 119435, Москва, ул. Погодинская, 18. Оптовый отдел реализации: +7 (499) 246-52-08; +7 (495) 181-92-92, доб. 22-70, 22-50, 23-37. Магазин на ул. Погодинской: +7 (499) 245-30-68. Магазин на ул. Бакунинской: +7 (499) 246-25-35. E-mail: books@rop.ru; http://www.rop.ru